

Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ винѣ на перепиваньѣ».¹

Новые черты прототипа находятся и в вологодском варианте, сохранившемся в старой рукописной тетрадке. Здесь отравительница Скопина названа не только «Малютвою дочерью Курлатовой» (г. е. дочерью Малюты Скуратова) но и «Князя Дмитрія Петровича Шустовой женой»² — в чем нельзя не видеть искаженной реминисценции жены князя Дмитрия Ивановича Шуйскаго. Это мелкая деталь, но другая особенность данного варианта существеннее, а именно он заканчивается рассказом о похоронах Скопина:

Черезъ три часа Скопин представился.

Мыли его тѣло бѣлое

Тремя водами ключевыми;

Пеленали его тѣло бѣлое

Во ту фату мелкотравчату;

Клали его тѣло бѣлое

Во ту колоду бѣлодубову;

Выносили его тѣло бѣлое

Ко свѣту Михаилу Архангелу,

Во ту церковь соборную;

Хоронили его тѣло бѣлое

Со всѣми попами со дьяконами,

Со всѣми протопопы и архимандритами.³

Торжественные похороны Скопина-Шуйскаго в Архангельском соборе представляют собою факт отразившийся и в повести о нем.⁴ Поэтому изображение их необходимо возводить к прототипу песни. Наконец, то место, где описывается приезд Скопина с пира к матери, могло быть отмечено большим количеством исторических черт, чем это наблюдается в варианте Кириши Данилова; по крайней мере повесть, передающая

¹ В. С. Иконников, *op. cit.*, стр. 155.

² В. Ф. Миллер. Исторические песни, стр. 564.

³ Там же, стр. 565—566.

⁴ Русская Историческая Библиотека, т. XIII, стб. 1339 и след.